

Кунь Ци — тот ещё человек, известная в Моду фигура. Такой мелкий сошка, как он, переводчик Цянь, не стоил даже того, чтобы тот пальцем пошевелил.

В тот момент, когда переводчик Цянь в панике соображал, как бы смыться, Старейшина Чжан помахал Сюй Эру:

— Сяо Эр, иди сюда. Поднимемся наверх. Внизу сейчас слишком сумбурно, всякий сброд собрался. Нечего тебе тут портиться.

Сюй Эр смущённо прокашлялся. Ему хотелось сказать: «Старейшина Чжан, здесь же ещё ваши клиенты находятся. Не слишком ли вы горячитесь?»

— Старина Чжан, ну и шумовину же ты тут устроил! Нашему Сяо Эру сегодня и впрямь не повезло — угодил под руку какому-то скандалисту, покусившемуся на твою торговую марку. Не ушибся, чай?

Старейшина Го восседал в кресле комнаты отдыха, неспешно потягивая чай. Увидев, что они поднимаются, тут же начал «обстреливать» старого друга.

— Мои приказчики все сноровистые, не ушибаются, — отбрил его Старейшина Чжан, усаживая Сюй Эра за чайный столик напротив Го.

Сюй Эру показалось, что в этой фразе что-то не так. Он ведь взрослый мужчина, разве может бояться упасть? Наверное, беспокоились всё-таки о том, что он нёс? Вещь-то как раз и боится ушиба.

— Давай же, выкладывай свой минский сине-белый фарфор, показывай. Дай нам полюбоваться да тебе глаз наточить, — Старейшина Го отставил чашку, расчистил на столике местечко и с нетерпением уставился на рюкзак Сюй Эра, ожидая появления тыквы-горлянки.

«Значит, действительно беспокоились, чтобы тыква не разбилась, а не чтобы я не упал? Кажется, в последнее время я и впрямь поуменел — даже шутки такие стал понимать».

Сюй Эр не стал церемониться, поставил рюкзак на стол, неспешно расстегнул его и аккуратно извлёк из картонной коробки сине-белое украшение в форме тыквы-горлянки с пионами, бережно разместив его на столе.

Старейшина Го уже изнывал от нетерпения, но, увидев предмет, не стал сразу хватать его руками, а достал лупу, прильнул к столу и принялся внимательно разглядывать.

Старейшина Чжан поначалу лишь стоял рядом и наблюдал вместе с Го. Но чем дольше он смотрел, тем больше на его лице отражалось недоумение, постепенно сменяющееся изумлением, то и дело проскальзывали вспышки радости — прямо как в сычуаньской опере смены масок.

— Парень, да тебе просто феноменально везёт! Всё время натыкаешься на настоящие жемчужины. Эту тыкву-горлянку тоже на барахолке подобрал? — Полюбовавшись вдоволь, Старейшина Го наконец оторвался, снова откинулся на спинку стула и вытер платком выступивший на лбу пот. — Эх, вот бы и мне такую удачу!

— Просто совпадение, совпадение. В первый же день, как Призрак Чжан вернулся из деревни и выложил товар, я туда заглянул. Как раз увидел эту тыкву, она мне приглянулась, вот и купил. Четыре тысячи юаней! У меня вообще денег в кармане не осталось, чуть не голодать пришлось.

— Ерунда! В крайнем случае ко мне приходи, моя старуха тебя очень любит. В следующий раз тоже так делай — увидел сокровище, хватай, не раздумывай! Нельзя упускать такие шансы!

— Да заткнись ты! Такому детей учить?! Сяо Эр, ты его не слушай! В нашем антикварном деле главное правило — больше смотри, меньше покупай. Если в чём-то сомневаешься, если что-то неясно — ни в коем случае не торопись с покупкой! — Старейшина Чжан, едва оправившись от шока и восторга, тут же услышал, как его старый друг сеет в юной голове сомнительные идеи, и возмущённо парировал.

— Эй, да неужто ты думаешь, наш Сяо Эр такой же, как ты, вечно на подделки попадает? У нашего Сяо Эра глаз-алмаз! Не говоря уже про этот минский сине-белый да про те шарира, возьми хотя бы несколько отличных медяков, что у него в руках побывали. Разве обычный человек сможет среди груды подлинников и фальшивок отыскать столько настоящих?

Старейшина Чжан задумался. В прошлый раз, когда Сюй Эр приносил ему три комплекта Монет Пяти Императоров, парень сам на барахолке их по одной отбирал. И не только все оказались подлинными да в отличном состоянии, но что важнее — он смог собрать полные комплекты, а это ох как непросто.

Выходит, что сегодня он принёс такую редкость — в принципе, нечто ожидаемое.

Впрочем, глаз у старины Го так и остался на прежнем уровне, за столько лет ни капли не продвинулся. Что ж, с этим дубом и правда не стоит связывать больших надежд.

— Старина Го, должен тебе сказать, полузнайка ты и есть полузнайка, и это уже не исправить. Сяо Эр, ну что, эта тыква-горлянка у тебя уже некоторое время. Что удалось выяснить?

Услышав этот вопрос, Сюй Эр инстинктивно понял, что Старейшина Чжан проверяет его знания. Он нервно выпрямился:

— На ощупь я могу определить, что в этом сине-белом фарфоре использовалась краска сумали. Посмотрите, вот в этих более тёмных местах, если провести пальцем, чувствуется, будто краска въелась в тело изделия. Это характерный признак сумали. К тому же, цвет сильно расплывается, что тоже является отличительной чертой сумали.

Что касается тела изделия, то если его поднять, можно заметить, что для сосуда такого размера оно довольно тяжёлое. При внимательном рассмотрении видно, что масса грубовата, обработка дна не слишком тщательная.

Сумали — это импортный пигмент. Он использовался лишь в отдельные периоды при династиях Юань и Мин, и лишь на части сине-белого фарфора.

А при династии Мин обработка фарфоровой массы была уже очень тонкой. Лишь в эпоху Юань этим аспектом пренебрегали.

Впрочем, я не совсем уверен. Ведь и в минское время какая-нибудь народная мастерская могла случайно заполучить такой пигмент и что-то изготовить, кто знает... — К концу речь Сюй Эра стала тише, в голосе послышалась доля смущения.

Однако Старейшина Чжан довольно кивнул — по его мнению, Сюй Эр сказал уже достаточно много.

— Похвально, что не ленился. Подойди-ка сюда, я кое-что добавлю.

Старейшина Чжан поманил его. Сюй Эр, обрадовавшись, подошел поближе, готовясь внимать.

— Эпоха Юань? Юаньский сине-белый фарфор?! — воскликнул Старейшина Го, но, будучи человеком в возрасте, инстинктивно сдержал громкость, так что кроме них его никто не услышал.

— Да заткнись ты и просто слушай! — Старейшина Чжан с досадой покосился на Го. — Эх ты, даже Сяо Эра не стоишь. Иди лучше своих студентов учи.

— Ах ты как говоришь! «Век живи — век учись» не слышал, что ли? — парировал тот, но тоже придвинулся поближе, приняв вид «а я всё равно слушать буду». Выглядело это довольно забавно.

Говорят, старики впадают в детство. Раньше Сюй Эр с таким не сталкивался, но после знакомства со Старейшиной Го он полностью постиг смысл этой поговорки.

— Тогда слушай внимательно. В эпоху Юань расцвела драма-цзацзюй. Северные монголы были очарованы историческими преданиями южных ханьцев. А поскольку сюжеты этих драм были полны крутых поворотов, это глубоко трогало прямодушные монгольские сердца, привыкшие к чёткому разделению добра и зла. Запечатлевать эти истории на прочных, увесистых фарфоровых сосудах, ставить их в юртах — так, храня продукты и утварь, можно было в любой момент насладиться бесконечно увлекательной драматической историей. Поскольку фарфор изготовлялся очень прочным, его не страшно было нечаянно задеть или опрокинуть — не разобьётся. Рисунки на юаньском сине-белом фарфоре обычно создавались методом вырезок из бумаги или частичным набором из штампов-печатей, затем раскрашивались прямо на фарфоровой заготовке, что придавало им яркий, лубочный колорит. Но из-за отсутствия оригинальности, за исключением различий в форме, изящество изделий было в целом схожим.

Этот недостаток фатален. Ведь красота и очарование фарфора неразрывно связаны с уникальностью его росписи и декоративных узоров. — Тут Старейшина Чжан почувствовал, что пересохло в горле, и взглянул на чайник. Сюй Эр тут же налил ему чаю.

— Теперь о самой тыкве-горлянке. Смотрите: крупные цветы, крупные листья. Листья залиты цветом полностью, а вот цветы — нет, к тому же по внешнему контуру идёт довольно явная белая кайма. Это одна из характерных черт орнаменталистики юаньского сине-белого фарфора. Кроме того, горы, вода, люди, изображения животных — всё в том же духе, внутри узоров остаются незакрашенные участки.

Что касается глазури: у юаньского сине-белого фарфора, за исключением сосудов с ручкой и бутылок «юйхучуньпин», дно обычно неглазурованное. На шероховатой поверхности дна часто можно встретить прилипшие брызги глазури — это признак эпохи. Эпоха Юань была временем правления монголов, период недолгий, поэтому и масса, и глазурь делались довольно грубо. «У больших кувшинов горловина обычно глазурована, у малых — чаще нет. У сливовых ваз изначально были крышки, и внутренняя сторона крышек не глазуровалась». Это тоже яркая отличительная черта юаньского сине-белого фарфора. А вот некоторые современные подделки глазуруют внутреннюю сторону крышек — вот уж действительно, безграмотность! На такие даже смотреть не стоит, разворачивайся и уходи.

Пока Старейшина Чжан говорил, Сюй Эр достал свой постоянный спутник — маленький блокнот и тщательно записывал ключевые моменты. Хотя память у него была неплохая, он боялся упустить хотя бы крупицу знаний.

Старейшина Чжан остался доволен таким отношением Сюй Эра. Молодёжи и следует так — прилежно учиться и смиренно внимать наставлениям. Не то что некоторые старые бездельники, которые слушают, будто оперу, — и не поймёшь, запомнили они что-нибудь или нет.

Затем Старейшина Чжан на примере этого юаньского сине-белого фарфора рассказал Сюй Эру множество историй и наблюдений, связанных с сине-белым фарфором, накопленных за долгие годы. Увлёкшись, он даже достал несколько мелких предметов минского сине-белого фарфора из своей коллекции, чтобы они могли вместе их оценить. Ну и, конечно, захватив с собой ещё одного старого проказника.

|

<http://bllate.org/book/16299/1470192>